

V СЪЕЗД РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Асмолов А.Г.

Кризисы психологии в сетевом столетии (выступление на V съезде РПО)

Дорогие мои коллеги!

Я смотрю на наш зал и думаю, что такие совпадения судьбы и времени бывают только у нас, у психологов. Говорю это, страдая эгоцентризмом. Только люди, влюбленные в психологию, могли собраться на съезд в День влюбленных (аплодисменты).

В этой ситуации я хотел бы поделиться некоторыми мыслями, назвав свое выступление «Кризисы психологии в сетевом столетии».

Когда мы говорим о нашей с вами науке, каждый раз мы должны четко понимать, что те или иные имена времени, в котором мы живем, так или иначе задают логику и статус психологии в культуре. Как называется наш век? Он называется по-разному. Одни называют его информационной эпохой, другие называют его эпохой коммуникаций, но все чаще и чаще звучат голоса, такие как голоса социологов Баумана или Гиденса, которые называют нашу современность «текущая современность» или называют наш мир «ускользающим миром» и все чаще звучит имя нашего века, которое появилось буквально два года назад – наш век называют «сетевым столетием». Я обращаю внимание на это название. Все эти имена говорят о том, что мир вокруг нас серьезнейшим образом изменился. Но что является движущей причиной многих изменений? Не потому что мы как психологи, мастера профессионального цеха, хотим натянуть все шапки на себя...

Я вспоминаю слова гениального исследователя Владимира Ивановича Вернадского. Он сказал, что наступает особая эра, и эту эру он назвал «психозойской эрой». Мы все с вами живем в эпоху психозоя. Когда Вернадский говорил, что мы живем в эпоху психозоя, он тем самым подчеркивал, что окружающая нас ноосфера, семиосфера так или иначе отражают психологизацию жизни.

В истории науки термин «психологизация» имеет разные оттенки и к нему амбивалентное отношение, но вместе с тем мы должны четко понять, что сегодня происходит психологизация жизни, и в этой ситуации психологизации жизни мы должны увидеть целый ряд вещей, которые являются рисками этой психологизации в нашем обществе, которое также называют «обществом риска». Я хочу представить воображаемую ситуацию, что здесь бы сейчас на сцене появились два человека и они бы постарались продолжить свой спор о следующем: как развивается психология?

В 70-х гг. Алексей Николаевич Леонтьев предложил метафору, что психология должна развиваться в ствол, и это обеспечит единство и монолитность психологической науки.

Другой замечательный исследователь Борис Федорович Ломов говорил о том, что психология должна развиваться в куст, и тогда звучала эта дискуссия.

Глядя на сегодняшний съезд, и глядя на сегодняшнее развитие нашей с вами науки, и на нашу программу съезда, я бы сказал, что оказалась более верной к сегодняшнему дню метафора Ломова. Сегодня съезд «кустовых» психологов. Психология стала развиваться в куст, она стала терять свое дерево.

На самом деле мы должны четко понять, что такое развитие является нормальным, и за полярностями в куст или ствол стоят разные, за этими метафорами, моменты. Это либо интеграция науки, либо ее дифференциация – это одна из линий.

Вторая линия, связанная с метафорой «куста и ствола» – это либо универсализация науки, либо ее узкая специализация.

И, наконец, третья линия, связанная с этим – это попытка создания манистических или плюралистических картин мира.

По сути дела, это нормальные тенденции развития науки XXI в. Если вы посмотрите на то, что происходит сегодня в генетике, на то, что происходит сегодня в физике, вы вспомните ситуацию, которая была при нашем знании истории в начале XX в., когда говорили, что так или иначе обобщающим теориям уже нет места, нет места синтетическим концепциям. Вместе с тем хочу четко подчеркнуть следующее: именно тогда, когда в свое время Пуал Каре сказал, что у физики нет будущего, через некоторое время появилась физика Эйнштейна и физика Ньютона. В связи с этим, являясь историческим оптимистом, я считаю, что при кустовом развитии психологии, последствием которого являются несколько кризисов, о которых я скажу, должно прийти время синтетических подходов в психологии, не противоречащих кустовому подходу. В связи с этим обратите внимание, что сегодня, обсуждая развитие науки, многие говорят: «да, нет синтеза», но одновременно появляются книжки с яркими названиями, как книга Ромаха Ре под названием «Собаки Павлова и кошки Шредингера». Одно это название, сочетающее мир павловских исследований и мир великого физика Шредингера, показывает всю сложность ситуации. И в этой ситуации я с завистью гляжу на работы Выготского и Бюллера 1926–27 гг. В 1926-м г., как вы помните, Лев Семенович Выготский написал работу «Исторический смысл психологического кризиса», а в 1927-м г. вышла книга Бюллера «Кризис психологии». Дорогие коллеги, тогда они говорили о том, что нет одной психологии, страдая без манизма, а есть множество психологий, и нет единой психологии.

И я впервые хочу сказать, что у нас сегодня не кризис психологии, у нас сегодня кризисы разных психологий. И эти кризисы проявляются в следующих моментах. Первое – это кризис научных школ. Этот кризис научных школ, он не только в психологии, он и во многих других науках. Вместе с тем последствием кризиса школ является следующее. Научные школы задавали образцы культуры, научные школы

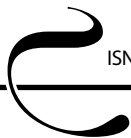

задавали культурные парадигмы, на которые надо равняться и ориентироваться. Они приносили, как говорил Мандельштам, вкусы и стили мышления. При кризисе научных школ, будь то школа психоанализа, школа культурно-исторической психологии, школа когнитивной психологии, мы сталкиваемся с тем, что если не рефлексируем кризисы этих школ, мы начинаем уходить в практицизм и мелко-темье, и возникает эффект Вавилонской башни. Психологи, собираясь на одном съезде в разных аудиториях, оказываются говорящими на разных языках, часто не слыша и не понимая друг друга. И кризис научных школ – одно из таких явлений. Последствием кризиса научных школ в современной реальности является появление копирующих психологий, «эффект спины», мы всегда находим кого-то, кого называем сверхвеликаном сегодняшнего дня, пытаемся бежать за ним, и когда-то великий Челпанов назвал такую психологию приватдоцентской психологией, психологией копирования образцов. Поймите меня правильно, копирование и репродукция – вещи хорошие, но когда мы копируем, репродуцируем, не оценивая того колоссального явления культурных парадигм, которые дали наши школы, мы оказываемся в буквальном смысле потерянными и не видим будущего, испытывая шок не от будущего, как Элвин Тофлер, а шок от настоящего и превращаясь в приватдоцентскую, копирующую, подражающую психологию. Этот риск есть сегодняшний день, и я хочу, чтобы мы этот риск услышали. Второй риск, когда я говорю, что сегодня не кризис психологии, а кризисы психологий – мы сталкиваемся с тем, что по сути дела сегодня, если психология будет дальше идти и развиваться только в куст, а не в ствол, наступит еще один кризис – кризис профессиональной идентичности психологов, когда психологи в буквальном смысле потеряют свое «Я», утратят свое понимание как представителя психологической науки и утратят навигацию, куда им двигаться в сегодняшней реальности и в сегодняшнем мире. Подобного рода кризис, кризис профессиональной идентичности – серьезнейший риск, с которым мы сталкиваемся и который на сегодняшний день является, увы, нашей серьезной реальностью. Кризис профессиональной идентичности связан с еще одним кризисом, а именно – кризисом профессионального развития психологов. Обращаю на это особое внимание. Мы критикуем даже школу за голый вербализм, за то, что там присутствуют только вербальные способы работы. Вместе с тем в высшем образовании, и в том числе в психологическом образовании, преобладает этот вербализм и мы являемся пленниками вербализма. Происходит парадокс: если сегодня произошла психологизация школьного образования, и с 1-го сентября в школу по новым стандартам, основанным на культурно-деятельностной психологической парадигме, вошли в школу сотни и сотни тысяч первоклассников, где стандарты строятся на системно-деятельностном подходе, в нашей психологии при подготовке психологов мы, хотя и говорим о мастерских, о практиках, но все равно вербальные методы преобладают. И в связи с этим давайте задумаемся о путях и матрицах создания того, что мы действительно, говоря о практических вещах, понимали, насколько должна измениться реальность в этом процессе. Сегодня как никогда, говоря об этих вещах, мы должны четко понять через методологическую оптику,

оптику постнеклассической и неклассической рациональности, что с нами происходит. Я приведу вам лишь три примера, эти примеры следующие. Прав Несбор, когда он говорил: «наблюдатель и наблюдаемые – две неразрывные вещи», и в этом смысле, кого мы постулируем и проецируем как объект своих исследований, такая психология и появляется. Когда мы делаем психологию пациента, появляется клиническая психология и клиническая практика. Это отдельная психология и не случайно мы выделили специальность «Клиническая психология» как отдельную. Когда мы постулируем и проецируем психологию испытуемого, продолжает развиваться независимо ни от чего психология экспериментальной культуры, когнитивная психология, психофизика и другие уникальные важнейшие направления. И, наконец, когда мы проецируем психологию клиента, развиваются психотехнические, инженернопсихологические и эргономические направления психологии. Получилось, что эти реальности психологии связаны с разными субъектами своего анализа: и клиента, и пациента. И психологии, связанные с испытуемыми, остаются сегодня разорванными мирами и за ними стоят свои практики. Они накопили уникальный, блестящий опыт, но это надо рефлексировать и это надо нам с вами отчетливо понимать, когда мы думаем о психологии и будущем ее развития.

Дорогие коллеги! По большому счету, сегодня уже не раз звучала идея междисциплинарности психологической науки и эта идея полидисциплинарности, когда мы находим контакты с культурной антропологией, когда когнитивистика становится реальностью, говорить, что у нас с вами при всех наших кризисах большие перспективы, и, говоря об этих кризисах, я только одного хочу... Дорогие мои коллеги, я хочу того, чтобы у нас, как у общества психологов, возник коллективный, соборный разум, и чтобы возникла коллективная рефлексия, и мы не были бы одиночками или волками, которые не знают, как идти и каждый поет свои песни, как Акела на скале совета, чтобы не превратились в психологию одиночек. И говоря об этом, я хочу сказать, что психология как никогда сегодня отзывается на идеалы времени, и идеалы выступают как прожектора, высвечивающие ряд направлений в психологии. Мы сегодня не случайно начали с проблем безопасности, и, наряду с идеалами справедливости, идеалами равенства в общественном аксиологическом сознании, идеал безопасности стал одним из идеалов общества риска. И уникальные направления, связанные с проблематикой безопасности («Психология безопасности» – подтверждение этому). Наряду с идеалом безопасности у нас возникают новые направления психологии, например, психология (я говорю об этом и внутренне мне как-то радостно) оптимального счастья и возникает позитивная психология. С идеалом свободы всегда была и будет связана психология индивидуальности и личности, развитие психологии индивидуальности и психологии личности – за ними стоит идеал свободы. Связь психологии, ее направлений с разными идеалами – это то, что нам крайне важно понять. И наконец, крайне важно также понять и то, что сегодня в дефиците ценностных ориентаций и ориентиров именно психология, как в свое время говорил великий тектолог Богданов, может взять на себя функцию идеологии нашей науки и общества. Психология задает те или иные

идеологические матрицы: так было, так есть и так будет. И это особенно актуально, когда это происходит в психозойскую эру.

Дорогие коллеги! Когда я говорю, что сегодня играют и спорят парадигмы конструктивизма, парадигмы когнитивизма, культурно-дательностные парадигмы, когда эти направления идут и когда у нас уникальные исследования и уникальные подходы, вместе с тем я еще и еще раз хочу, чтобы мы по закону Клапаредо осознали те трудности, которые перед нами стоят, и вместе с тем сегодня, здесь и теперь, в нашей аудитории говорю, что здесь и теперь выступаю перед вами и говорю это, говоря о кризисах, но говорю это как счастливый человек, ибо счастливый человек – это тот, кто имел учителей, которые изменили его масштаб видения на всю жизнь. И когда я не раз говорю, что вступаю в общение, чтобы не делал и как бы не действовал, со своими учителями и слышу их голоса, мои коллеги-психиатры могут подумать, что у меня особое состояние. Но я действительно слышу голоса моих любимых учителей: Алексея Николаевича Леонтьева, Александра Романовича Лурии, Даниила Борисовича Эльконина, я слышу голоса великих психологов, таких как Ломов, Веккер, Ананьев, которые задали матрицы культуры. И наш съезд должен помнить об этих матрицах и понимать, что психология должна развиваться, как говорил Владимир Александрович Вагнер, основатель биопсихологии, не по прямым, а по смешанным линиям развития. И отсюда будущее идеологии – это будущее нашей именно идеологии между разными школами.

Есть старые добрые строки, что честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой. Я не знаю, будем ли мы этими безумцами, но время успокоений прошло и психология как профессиональный цех будет не выживать, а жить, если мы с вами осознаем, помечтаем и реально станем кем бы не были бы: психогенетиками, юридическими психологами, психологами спорта, акмеологами, не побоюсь этого слова. Что бы не происходило, мы станем и всегда останемся теми, какими родили нас наши учителя, мы станем психологами. И поэтому за нами будущее, и поэтому мы должны помнить:

Все так же непроще
Век наш пробует нас,
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
Можешь выйти на площадь
В тот назначенный час.
Где стоят по квадрату
Растянувшись полки
От Сенода к Сенату
Как четыре строки...

Силы вам в этот День влюбленных и размножаться идеями, школами и другими делами.